

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII

БЕК

СБОРНИК

25

Санкт-Петербург
«Наука»
2008

М. ВЕНДИТТИ

ИСТОЛКОВАНИЕ МОТИВОВ ИЗ ЭККЛЕЗИАСТА В XVIII ВЕКЕ: ВОЛЬТЕР В ПЕРЕВОДАХ ХЕРАСКОВА И КАРАМЗИНА

Определение переводческой деятельности в литературе XVIII в. как «состязание мыслей» хорошо выражает сущность ее функции: на основе данного «чужого» текста авторы-переводчики «даруют» разные его интерпретации.¹ В соответствии с известными стихами Сумарокова из «Эпистолы о русском языке»² переводимый художественный текст понимается как содержательный, идейный материал, который находит свое выражение в «случайной» языковой форме. Данная концепция отражает тогдашнюю философию языка (Локк, Лейбниц, Вольф), следуя которой главной языковая функция — обозначалоша, а словесное выражение является только носителем идей, в принципе универсальных.

Исходный текст, таким образом, понимается переводчиком как повод для обработки данного содержания и как возможность изложения новых тем на родном языке. Переводчик заодно доказывает

¹ Гужовский Г. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 251—276. Статья Гужовского «К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы)» стала объектом обсуждения в связи с понятием «плагиата», точнее, в связи с его наличием или отсутствием в сознании автора XVIII в.: Живов В. XVIII век в работах Г. А. Гужовского, не опубликованных советским хроносом // Гужовский Г. Ранние работы... С. 25—28. Кейн И. Русский Буало? (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии современников) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 42—47; Николаев С. Оригинальность, подражание и плагиат в преданиях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 3—19. О понимании переводческой деятельности как «соревнования с автором», по определению итальянского литературоведа и переводчика М. Чезаротти (Melchiotte Cesarotti), см. сборник статей: *A gaга con l'autore. Aspetti della traduzione nel Settecento* / A cura di A. Vitelli, R. Turchi. Roma, 2004.

² «Не мни, переводя, что склад в творце готов / Творец дарует мысль, но не дарует слов» (Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 114).

многообразие выразительных средств родного языка и проверяет свои творческие возможности.

Общая масса иностранных литературных текстов предстает как обширное собрание материалов для собственной переработки. Все они воспринимаются как современные, без различия времени или пространных, будь то Гораций или Вольтер, Библия или Анакреон.³

Среди характерных черт литературного перевода XVIII в. выделяются анонимность и/или коллективность, а также интертекстуальные связи не только с подлинником, но и с другими современными переводами того же текста. Переводные тексты, отрешенные от конкретных обстоятельств их возникновения, появляются зачастую либо без указания имени автора подлинника, либо с неопределенным указанием «из иностранного автора», «из французского автора» и т. п.; встречаются переводы с модифицированным заглавием, иногда меняется жанр, например стихотворный текст переводится прозой или наоборот.

Интересным примером концепции перевода XVIII в. является переработка Херасковым и Карамзиным «Мыслей из Экклезияста» Вольтера. Сопоставление этих текстов и их анализ имеют целью показать, каким образом данные писатели, исходящие из разных установок, переосмыслиют тематику одной из наиболее известных книг Библии.

Козлет, или Экклезияст, — одна из поэтических книг Ветхого Завета, авторство которой приписывается Соломону, наряду с Песнью песней, Притчами и Книгой Премудрости. Еврейское слово *козлет* со значением «ведущий, проповедующий в собрании» было переведено на греческий как *ekklēsiastes* («участник собрания») от слова *ekklēsia* («собрание»); в Септуагинте и Вульгате оно обретает значение «проповедник»; то же самое написано у Лютера и в русской Библии, где принято название «Книга Экклезияста, или Проповедника». Экклезияст, поэт-повествователь, традиционно отождествляется с Соломоном.

Книга Экклезияста, одна из наиболее запутанных книг Библии, являлась всегда объектом различных, часто противоположных, чтений. Она состоит из двенадцати глав, объемом от 10 до 30 стихов. Примерно половину этой поучительной книги составляют иречения и сентенции в виде двустиший. То, что для греческого мира представляется гармонией вселенной, для Экклезияста является хаосом, а ничтожность человеческого бытия подчеркивается повторением слова «хвевел» («суета»).

Суровые библейские размышления о преходящем характере человеческого существования заключают в себе ображения о те-

³ Лотман Ю. Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник. М., 1997. [Вып.] 2. С. 416—423.

чении времен, о разрыве между вечностью и смертью. Повторение циклических процессов природы, неизбежность смерти, которая уравнивает всех, выражена знаменитым изречением «суета сует», *vanitas vanitatum*.

Идея бренности мира, *vanitas mundi*, становится впоследствии одной из главных тем литературы и искусства. Данный мотив проходит через историю западной культуры от средневековых *Tristanz* и *divine masabre* до эпохи барокко, где торжествуют скелеты, черепа и песочные часы.

Литературное мышление XVIII в. наследует эти библейские мотивы и истолковывает их по-своему. Темы Экклезиаста вписываются в духовное настроение человека этого столетия: нравственные поучения выражены в форме афоризмов и апофтем, отвечающих на вопрос о смысле и месте человеческого бытия во всеобщей. Переложение поэтических книг Библии входит в состав очень распространенного жанра духовных од.

Как заметил Латарл, в творчестве Вольтера Библия занимала всегда центральное место: философ тщательно изучал не только ее, но и литературу о ней.⁴ Для Вольтера Библия была литературным произведением и источником противоположных впечатлений; в нее объединяются, с одной стороны, рациональное желание опровергнуть все, что не соответствует исторической действительности, и, с другой — увлечение ее рассказами и поэтическими книгами.

Сочинение Вольтера «*Récits de l'Esclesiaste*» связано с просьбой маркизы де Помпадур переложить для нее псалмы для духовных упражнений. Философ объясняет свой отказ указанием на большое количество именущихся уже собранных псалмов. Вместо этого он решил переложить для нее другие части Библии, обращаясь к двум внешне противоположным книгам Ветхого Завета: к Экклезиасту — провозглашению бренности всего земного и переходящего и к Песни песней — торжественному словословию земной любви.⁵

Вольтеровы переложения этих книг были напечатаны вместе в 1759 г. под названиями «*Récits de l'Esclesiaste*» и «*Récits du Cantique des cantiques*». Их мгновенно осудила церковная цензура: было приказано их разорвать и сжечь публично.⁶

⁴ *La Harpe J. F. Luceé, ou Souls de littérature ancienne et moderne*. Paris, 1834. Т. I. P. 171.

⁵ Песнь песней принято истолковывать как в христианском, так и еврейском богословии чисто аллегорически; именно так, например, Державин воспринимает эту библейскую книгу, предлагаяющую собой образцы литературного жанра идилии; в его стихотворении «Соломон и Суламита» отсутствуют всякие оттенки конкретной любви, живого любовного чувства.

⁶ См.: *Voltaire. Œuvres complètes*. Paris, 1827. Т. 15: Poèmes et discours. В собрании стихотворений Фридриха II «*Poésies diverses du philosophe de Sans Souci*» 1760 г. имеется произведение «*Raportage des Prédigés Salomon*», воспроизводящее формальные признаки «*Récits*» Вольтера. Державин переложил эти стихи Фридриха в «*Читалагайских одах*» 1774—1775 гг., разрабатыв

Вольтер открывает свое изложение Экклезиаста двумя вводными прозаическими текстами: эпистолой-посвящением Фридриху II («*Épître dédicatoire au Roi de Prusse*») и «Предупреждением автора» («*Avertissement de l'auteur*»). Здесь Вольтер объясняет главные принципы своего переложения книги Соломона и согласно с критическим подходом Нового времени актуализирует библейский текст и его «автора».⁷

В «Предупреждении автора» Вольтер определяет свой «*Récits*» как «вольный перевод»; точный перевод ветхозаветной книги с ее восточным стилем невозможен. Вольтер в принципе противопоставляет Святого Духа, вдохновителя Экклезиаста, Разуму, внушившему ему «*Récits*»⁸ божественный дух не нуждается в методе, для него допустимы повторы, перескакивание с одной темы на другую, прозаические повторы, перескакивание с одной темы на другую, прозаические повторы и вольности,⁹ разумному же стилю, наоборот, необходима логическая связь. Чтобы передать смысл Экклезиаста, Вольтеру надо было собрать и упорядочить главные мотивы библейской книги, ибо главная задача светского автора состоит в «сокращении» священной книги.¹⁰

Вольтер видит актуальное значение и ценность мудрости Экклезиаста в том, что эта книга представляет собой настоящий «курс нравственности для светских людей» («*c'est un souls de morale fait pour les gens du monde*»); в ней не только определена ничтожность человеческих дел, но и одновременно предписано, как разумно пользоваться дарованными Богом благами.

Ипервые столь важную для него тему бессмертия души. См.: *Алексеева Н. Ю.* Державинские оды 1775 года. (К вопросу о реформе оды) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 75—92.

⁷ После указания на сходство между прусским королем и Соломоном (оба они короли, философы и поэты) французский философ пишет с острой иронией о преимуществе Фридриха перед Соломоном: в отличие от последнего у прусского короля нет соген любовниц и жен; обстановки, совсем не подболашей Мурреу: «*C'est une nouvelle saison pour dédié set ouvrage à Votre Majesté. Elle a sut Salomon l'avantage de faite des vers, et de n'être point tiraille par sept cents épouses, dites légitimes, et par trois cents drôleses, dites concubines ou femmes du second rang; ce qui ne convient pas trop à un sage*» (*Voltaire. Œuvres complètes*. Т. 15. P. 203).

⁸ Вольтер продолжает свою провокацию, уточняя, что рациональная установка неизбежно влечет за собой возможность ошибок, пахнувших ересью.

⁹ В противоположность этому именно указанные Вольтером черты «восточного стиля», определяющие библейскую поэзию, составляли для Державина главные достоинства пирической оды, т. е. «вдохновение», «беззастенчивость» и «перескоки», ибо «она не наука, но отнь, жар, чувствво» (*Державин Г. Сочинения*: В 9 т. С объяснит. прим. Я. Грота. СПб., 1872. Т. 7. С. 518, 522 и след.).

¹⁰ «*Le sentiment de sa propre insuffisance a forcé le traducteur à rassembler en un corps les idées qui sont grandues dans ce livre avec une subline profusion; à y mettre une liaison nécessaire pour nous, et un ordre qui était inutile à l'Esprit saint; et enfin à rendre un vol moins hardi, convenable à un laïque qui donne l'abrégé d'un livre divin*» (*Voltaire. Œuvres complètes*. Т. 15. P. 205—206).

«Précis de l'Écclésiaste» состоит из 42 строф, причем регулярно чередуются три восьмисложных шестистишия и три двенадцатисложных четверостишия; рифмовка строф нерегулярна: встречаются перемешку перекрестные и охватные рифмы. Последние три главы Экклезиаста почти не привлекали внимания Вольтера. Основные источники философа — это Вульгата и «*Biblia breves in eadem annotationes*» 1532 г.¹¹

Главные приемы передачи смысла библейской книги Вольтером заключаются в следующем: во-первых, исходящий из первенства разума взгляд философа на мировоззрение Экклезиаста подчиняет все высказывания логической оппозитции «истинный/ложный»; во-вторых, значительно смягчается резкость и суровость библейских суждений, не подходящих, по мнению автора, к современному мироуложению.

В русской литературе тематика Экклезиаста появляется и распространяется в середине XVIII в. в стихотворениях А. П. Сумарокова (например, «Час смерти», «Море и вечность» 1759 г., «Ода на свету мира» 1763 г.), М. М. Хераскова («Стань», «Оды поучительные», «Оды анакреонтические») и в журналах «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763).

В 1770-е гг. масоны интенсивно переводят литературные произведения Вольтера, представляющие для них образец слияния рационализма с религиозным духом. В частности, размышления о бренности земного мира ведут к усиленному обсуждению актуальному в XVIII в. вопросу о бессмертии души.¹²

Творчество М. М. Хераскова сравнительно мало изучено; в частности, рассматриваемое здесь произведение до сих пор почти не привлекало внимания исследователей.¹³

¹¹ Эра Библия находилась в библиотеке Пушкина. См.: Якубович Д. Пушкин в библиотеке Вольтера // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 905—922.

¹² Именно во второй половине века древний философский вопрос о бессмертии души выдвигается на первый план. Этот предмет становится одним из главных объектов обсуждения в журналах, в университете (Д. Анничков, И. Кандорский, И. Шварц), в стихах и в прозе (В. Майков, Г. Державин, М. Шербаков, А. Радищев). Знаменитая книга «*Rhâdon, oder Ueber die Unsterblichkeit der Seele*» (1767) философа М. Мендельсона, прозаического Немешки Сократом, была переведена и опубликована впервые в 1777 г. в журнале «Утренний свет» с большим комментарием. См.: Друзинина Д. Н. Литературно-философская проблематика трагата Радищева «О человеке о его смертности и бессмертии» // XVIII век. Д., 1977. Сб. 12. С. 52—66; Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / Под ред. Т. В. Артемьевой. СПб., 1996; Кужушкина Е. Д. Тема бессмертия души у В. И. Майкова // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 177—184.

¹³ См.: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX века. Д., 1978. С. 49—51; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Драмматургия. Поэзия / Под ред. Ю. Д. Левина. СПб., 1996. С. 170—171; *Stelari d. Sentimentalismo e preromanticismo in Russia*.

Херасков публикует анонимно свои «Почерпнутыя мысли из Экклезиаста» впервые в 1765 г. в университетской московской типографии; второе издание, значительно исправленное, выпускается в 1779 г. с добавлением «Первых трех глав из Премудростей Соломоновых» уже опубликованных в журнале «Утренний свет» годом раньше. В таком виде, с дополнительными исправлениями, «Мысли» Хераскова печатаются еще в 1786 г. и, наконец, они включены в «Творения» Хераскова 1796—1803 гг. (М., 1800. Ч. 7). С тех пор они больше не переиздавались.¹⁴

Исправления, внесенные Херасковым в последующие издания, касаются прежде всего стилистики и обновления устаревшего языка; в отдельных случаях значительно меняется смысл определенных метафор и выражений; последний вариант отличается от предыдущих и по количеству строф: в первых трех изданиях — 40 строф, а в последнем издании — 39.

Первые три отдельных издания Херасков сопровождает авторским предисловием, состоящим из трех частей: в первой прославлена премудрость Экклезиаста, дано содержание библейской книги и определена функция ее поучений; затем следует *topos modeste* — заявление автора о собственной неспособости по сравнению с Соломоном-Экклезиастом; ему не достичь ни его «сладости писания», т. е. стилистического мастерства, ни глубины его мудрости, ибо восхищение пророка превыше расуждения простого человека. В последней части поэт сообщает, что побудило его сочинить свое произведение: это именно «сокращение Экклезиаста на французском языке, одним великим стихотворцем недавно изданное. Но как ни того точно перевести, ни всего Экклезиаста во стихи положить для многих причин не возможно: то, не покидая следов мудраго Пророка, замостивая я нечто от подражателя его, многое переменял и что с нашим Писанием нашел несходное, оставил».

Таким образом, и Вольтер, и Херасков подчеркивают нравоучительную функцию ветхозаветной книги и ее актуальность.

Показательно, что Херасков не взялся за переработку самой Библии, как сделали многие литераторы XVIII в., но обратился к Экклезиасту через посредство Вольтера. В его вводных словах отражено понимание перевода как способа распространения и бытования общих тем, выраженных на разных языках. В своих стихах по мотивам Экклезиаста русский поэт ссылается одинаковым образом как на Вольтера, так и на Библию.

Херасков не сохраняет метрической и строфической структуры подлинника. Как и произведение Вольтера, «Почерпнутыя мысли»

sia. Milano, 1990. P. 17—18; *Верадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 2001. С. 147.

¹⁴ В приложении воспроизводится полный текст стихотворения Хераскова по последнему изданию 1800 г., с указаниями всех вариантов предыдущих трех изданий.

состоят из четверостиший и шестистиший, однако стихи чередуются без определенного порядка; стихотворение написано ямбами, а количество стоп в отдельных строках неодинаково. Херасков во всех изданиях, с первого до последнего, постоянно вводит исправления и изменения в свое произведение.

К вольтеровским стихам обращается также Н. М. Карамзин в своем стихотворении «Опытная Соломонова Мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста»;¹⁵ оно появляется в 1796 г. на страницах альманаха «Аглая». Карамзин явно придает этому произведению важное значение, поскольку стихами из Экклезиаста он открывает свои прижизненные собрания сочинений.¹⁶

В отличие от Хераскова, у Карамзина нет предисловия и даже не упоминается имя французского философа. С другой стороны, внешняя форма стихотворения, количество строф и рифмовка полностью совпадают с произведением Вольтера.¹⁷

«Опытную Соломонову Мудрость» Карамзина принято считать выражением сентиментализма или предромантического духа, поскольку там встречаются характерные для данного периода поэтические образы мрака и ночи, прообразом которых являются «Ночные размышления» Э. Юнга.¹⁸

Обработка Карамзина своеобразна и резко отличается от положений Вольтера и Хераскова. Слова Экклезиаста — это проповедь, речь, предлагающая нравственные поучения в форме сентенций.

¹⁵ Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 199—205.

¹⁶ Карамзин Н. М. Мон бездельки. 2-е изд. М., 1797. Ч. 2; Карамзин Н. М. Сочинения. В 8 т. М., 1820. Т. 1.

¹⁷ О рассматриваемых здесь стихах Карамзина см.: Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 5—52; Заборов Д. Р. Русская литература и Вольтер. С. 95—98; История русской переводной художественной литературы... С. 170—171.

¹⁸ Первый полный прозаический перевод А. М. Кутузова, с комментариями И. В. Лопухина и других, был опубликован Типографической компанией в 1785 г. Об этом переводе см.: Лезин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Исследования и материалы. Л., 1990. С. 150—152. В переводе много примечаний, объясняющих английский оригинал; комментатор обращается к читателю и подкалывает ему, как толковать текст. В одной лишь первой ночи, например, 24 примечания; причем некоторые занимают почти страницу. Наменательно, что наиболее значительные места объясняются с привлечением Библии, в основном — Книги Иова. Экклезиаст по своему содержанию часто сопоставляется с Книгой Иова. Данные книги отличаются своей формой: если первая из них — это «внутренний монолог», то Книга Иова — это диалог с Богом. Но философской основой обеих ветхозаветных книг является глубокий скепсис: Иова мучит царящая в мире несправедливость, а Экклезиаста беспокоит его бессмысленность. Бог испытывает Иова до предела, чтобы затем вознаградить его за устойчивость веры; Экклезиаст, напротив, извлекает из своих торжких соображений о неизбежном хаотическом беспорядке окружающего мира положительный вывод: воспользоваться как можно лучше божественным даром жизни. Ср.: De Benedetti P. Dal Dio di Giubbe al Dio di Ohelet // Ohelet: lecture e prospettive. A cura di E. I. Rambaldi. Milano, 2006. С. 15—17.

Чтобы передать этот афористический стиль, Вольтер и Херасков заключают в каждую строфу единое содержание, причем сами создают яркие сентенции. Карамзин, напротив, укладывает отдельные изречения в ряд строф, провозводя впечатление текущей речи, семантического *enlèvement*; таким образом, строфы тесно связаны друг с другом. Дискурсивный тон стихов Карамзина выражается в наличии восклицаний, риторических вопросов, прямого обращения к адресату. Кроме того, если сопоставить строение поэтического образа с предыдущими авторами, то Карамзин переворачивает последовательность хода рассуждений.

К этому стихотворению неприемлемо определение Ю. Лотманом поэзии Карамзина как «прозаической», выраженной в стремлении не употребить метафоры.¹⁹ Данные стихи, напротив, обладают очень сложной и риторически отделанной формой: в изобилии встречаются различные тропы, семантические и синтаксические фигуры.

Рассмотрим некоторые места, где более наглядно проявляются сходства и различия относительно поэтических приемов и поэтических концепций Вольтера, Хераскова и Карамзина.

При сопоставлении начала библейской книги и первых строф ее поэтических обработок выясняется, каким способом авторы излагают содержание Экклезиаста. Уже второй стих библейской книги содержит знаменитое аллюжистическое изречение: «Света свет, сказал Экклезиаст, света свет, — все света», после чего следует длинный ряд доказательств этого положения, опирающихся на собственный опыт Соломона-Экклезиаста.

Вольтер, а вслед за ним и русские поэты, превращает это изречение в заключительное высказывание каждой из первых трех строф; в них показывается скоротечность страстной молодости, материальных ценностей и научных знаний.

Рассмотрим ближе первые строфы произведений каждого из трех авторов:

Вольтер

Dans ma bouillante jeunesse,
J'ai cherché la volupté,
J'ai savouré son ivresse:
De mon bonheur dégradé,
Dans sa coupe éphémère
J'ai trouvé la vanité.

Херасков

В кипящей младости мой
Имел в прохладах я забаву,

¹⁹ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина... С. 27—28.

Алкая сердцем и душой
Вкушать житейскую отраву,
Горька мне сладость ныне та,
Я рек: все в свете суета.

Карамзин

Во цвете пылких, юных лет
Я нежной страстью услаждался;
Но ах! Увяд прелестный цвет,
Которым взор мой восхищался!
Осталась в сердце пустота,
И я сказал: «Любовь — мечта!»

Укажем на главные мотивы стихов Вольтера и на их преобразование русскими поэтами. Во второй главе Книги Экклезиаста Соломон рассказывает, как он решил развлечься и наслаждаться вином, чтобы понять, в чем есть благо, но все эти опыты приводят к заключению об обманчивости плотских наслаждений.

У Вольтера наблюдается значительная амплификация присутствующих в библейском тексте тем; в первой строфе стихотворения, в частности, рифмуются и таким образом выделяются ключевые слова «*vouluir/ivre/dégouter/dégoûter/enchanteresse*».

Херасков переводит первый стих французского поэта дословно; второй стих имеет два варианта: в первых трех изданиях вольтеровская *vouluir* (плохот, сладострастие) превращается у него в нейтральную «забаву в роскошах», а в последнем он применяет более архаичное выражение «в проколадах». Карамзин тоже смягчает этот мотив, превращая похоть в чувствительную «нежную страсть».

Вольтеровская *ivre* (опьянение), метафора власти чувств над разумом, выражена у Хераскова через образ «сладкой отравы»; Карамзин совсем опускает тему опьянения, заменяя его образом цветка и его увядания, подчерпнутым, как увидим ниже, тоже из Экклезиаста.

Понятийная пара «*dégouter—enchanter*» выражает у Вольтера отдалкивание и притяжение, четко представляя внутреннее противоречие человеческого бытия. Херасков передает вольтеровский образ через оксюморон «горька мне сладость», развивая метафору вкуса. Карамзин изображает внутреннее состояние человеческого существа формулировкой «в сердце пустота».

Каждый из последних стихов первой строфы, передающий начальное изречение Экклезиаста о «суете сует», отгибается друг от друга в соответствии с литературно-философской установкой их авторов.

У Вольтера это результат поиска, упомянутого во втором стихе: «*J'ai cherché/J'ai trouvé*». Херасков обращается к Библии и употребляет трафаретную форму «я рек» (*dixi* *ego*).

Последний стих Карамзина выделяется своей оригинальностью; поэт модернизирует формулу Хераскова («я сказал») и подчеркивает первенство внутренних чувств. Слово «любовь» (которое встречается у Карамзина вместе с подобными 16 раз, в отличие от других авторов, где оно почти отсутствует) завершает амплификацию библейского образа наслаждения. Интересно, что Карамзин заменяет традиционное выражение «суета» понятием «мечта». Последнее встречается во многих стихотворениях середины века в значении «обман, плод воображения, призрак»;²⁰ примером может послужить сумароковская «Ода на суету мира» 1763 г.:

Почтем мы жизнь и свет мечтою:
что мы ни делаем, то сон,
живем, родимся с суетою...

Показательно, каким образом авторы передают самое знаменитое и известное изречение Экклезиаста «*shihî sub sole puvim*» (1, 9), получившее в литературе широкое распространение как девиз: Вольтер: 15 «*Rien de nouveau sur la terre*»; Херасков: 14 «В подсолнечной премены нет»; Карамзин: 15 «Ничто не ново под луною».

Французский философ, не отступая от библейского смысла, остается на земле и представляет взгляд человека; Херасков дословно переводит библейскую формулировку; Карамзин выбирает третье положение, меняя традиционную образность изречения, и вводит мотив луны и ночную атмосферу; таким образом он придает предромантическую окраску своим стихам, ставшим образцовыми для ряда современных ему литераторов.²¹

Многочисленные образы из Экклезиаста нашли широкое распространение и стали шаблонными, выражая во всей остроте противоречия человеческого бытия. Среди них образ любви и женщины как символ обмана, оппозиция кратковременности и долговечности, которая в особенности увлекла воображение поэтов. Непостоянство всего земного, внешнего и преходящего, воплощается в образе женской любви и красоты — мотиве, характерном для эпохи Возрождения и барочной литературы.

²⁰ Словарь русского языка XVIII века. СПб, 2001. Вып. 12. С. 164—165.

²¹ Отметим, что слова «суета» и «мечта» повторяются у Хераскова и Карамзина следующим образом: у Хераскова — 5 раз «суета» и 2 раза «мечта», в то время как у Карамзина все наоборот — 5 раз «мечта» и 2 раза «суета». Вольтер употребляет слово «*fantôme*» (призрак) однажды, а слова «*vain/vain*» 7 раз. Интересно, что в Вульгате слово «суета» в книге Экклезиаста повторяется 32 раза, большинство из которых находится в начале, и постепенно их количество уменьшается к концу.

²² Например, у В. Жуковского в стихотворении «К Тибудду» (1800): «Тибудд! Все под луною гленно!» (*Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 37*).

В сентенциях Соломона-Экклезиаста женщина представлена как источник соблазна и непременного разочарования: «и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы» (7, 26), но и как необходимая спутница жизни: «Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни светлой жизни твоей...» (9, 9).

Вольтер принимает эти противоречивые мотивы, а на русской почве — только Карамзин: у обоих, в девятой строфе, стихи посвящены обманчивой красоте:

<i>Вольтер</i>	<i>Карамзин</i>
Tu viens de t'ahir l'amour, Et tu ris, beauté volage; Un nouvel amant t'engage, T'aimé, et te quitte en un jour; Et dans l'instant qu'il t'outrage On le traité à son tour.	Смотри: неверная смеется — Любовник горестно сражен: Она другому отдается, Который ею восхищен; Но скоро клятву он забудет, И скоро... сам обманут будет.

Вольтер, наследник богатой поэтической традиции любовной лирики, прекрасно изображает привлекательность переменчивой женщины; Карамзин применяет другой прием: он открывает свою строфу дежигтивным «смотри»; в двух словах («неверная смеется») он переводит две начальные строки Вольтера и развивает образ движения, крутоторота страстей.²²

Стихи из девятой главы Экклезиаста о том, что надо провести жизнь в наслаждении с «женой», Вольтер и вслед за ним Карамзин переводят следующим образом:

<i>Вольтер</i>	<i>Карамзин</i>
32 Et qu'une compagne aimable M'inspire un amour durable, Sans tor tégner sur mes sens.	32 Когда же тихая луна Давится на небе с звездами, Слеши к возлюбленной своей — Забудь... на время мудрость с ней. 33 Люби!.. но будь во всем умерен; Пол нежный часто нам неверен; Люби, умей и разлюбить.

²² В связи с этим образом смеющейся женщины интересна трактовка смеха как обмана и в «Пюстикке» Аристотеля. Суровое высказывание Экклезиаста в Вульгате: «[и]ши терпачи еготем» — «О смехе сказал я, „глупость!“; а о веселье: „что оно дегает?“» (Эккл. 2, 2) принято Вольтером и повторяется в его творчестве два раза: впервые в раннем «Discours sur l'hopitme» (1738) «la joie est passagère, et le ple est trompeur», второе в «Pretis» (34, 4) «et le ple est trompeur». На русской почве находим мотив радости, точнее веселья, в первых трех вариантах Хераскова (31) «Что много веселит, то может обмануть»; в последнем — это мотив видимого, кажущегося: «Что взору только льстит, то может обмануть». У Карамзина этот мотив отсутствует.

Вольтер довольно близок к библейскому изречению и подчеркивает его суть в рифмующихся словах «aimable/durable»: любовь прочна, когда разум управляет чувствами. Так пост-философ интерпретирует отношение кратковременности к долговечности, стоящее в центре размышлений Экклезиаста.

У Карамзина наблюдается амплификация этого мотива. Отметим, что по-разному переводится слово «жена» (в Вульгате — «uxor»): у Вольтера — «compagne» у Карамзина — «возлюбленная». Начертанная Карамзиным картина изображает nocturno встречу с любовью, т. е. «временную» страсть. Восстанавливаются по-величественные формы спешки/забудь/люби/будь/умей, придающие изречением в Экклезиасте проповеднический тон; у Карамзина они являются прямым обращением к адресату, к читателю. Развертывание данного мотива заканчивается осуждением «нежного пола» из-за неверности и провозглашением умеренности как защиты от неизбежного страдания.

Рассмотрим также образ увядания красоты как символа тленности; осознание ее преходящего характера и кратковременности влечет за собой размышления о смерти:

<i>Вольтер</i>
27 La beauté dans son printemps Ville rompeuse et chéte, Semblable à la fleur des champs, Le matin épanouie, Le soir livide et flétrie, En horreur à ses amants.

28 Ainsi tout se corrompt, tout se détruit, tout passe:
Mon oreille bientôt sera sourde aux concerts:
La chaleur de mon sang va se toupper en glace;
D'un puage frais si mes yeux seront couverts;

<i>Херасков</i>
24 Гордаясь тленной красотой, Красавица сердца предвещает. Как ранней окропясь росой, Листочки роза распушает; Но старости наступит ночь, Любовники уходят прочь.

25 Так все на свете сем минет, пройдет, исчезнет,
Приятна пеня не буду слышать я;
Кипяща кровь во мне простынет и замерзнет,
Померкнут очи, мысль притупится моя.

Карамзин

27 Как розы юные прелестны!
И как прелестна красота!
Но что же есть она? мечта,
Темнеет цвет ее небесный,
Минута — и прекрасной нет!
Вздохнув, любовник прочь идет.

28 Так всё проходит здесь — и скоро глас приятный
Умоляет навсегда для слуха моего,
Свидели, звуки арф не будут вытнны;
Застынет в жилах кровь от хлада своего.

Вольтер описывает увядание цветка, за которым следует размышление о наступающей неизбежной старости. В 28-й строфе он переводит место из Эжклезиаста, где инноказательно изображается преобразование отцветающего тела (12: 3—6); по мнению Вольтера, это одно из наиболее поэтических мест библейской книги. В Эжклезиасте процесс старения человека описан очень подробно; Вольтер выбирает три аспекта: слух (*oreille*), зрение (*yeux*) и кровь (*sang*), метонимно теплоты жизни.

Херасков следует довольно близко вольтеровскому переложению, подчеркнутая символический оттенок применяемой метафоры. 24-я строфа характеризуется аллитерацией; простой полевой цветок Вольтера заменяется у Хераскова насыщенной многозначностью розой; кроме этого в стихах Хераскова старость сравнивается с мраком ночи,²³ и это уподобление устанавливает связь с последним стихом следующей 25-й строфы: «Померкнут очи, мысль притупится моя».

Переложение Карамзина — яркий пример диалога с предыдущими текстами. В его 27-й строфе находим уподобление роза-херасота, использованное Херасковым; дискурсивный тон передается восклицаниями и вопрошением, ответы становятся сентенциями. Карамзин описывает старение через амплификацию образа глухоты. То, что у Вольтера «соперств», у Хераскова — «приятна пеня», а у Карамзина — «Глас приятный, свирели, звуки арф».

Ненадежное положение человека во вселенной воплощается также в образе подки — символа человеческой жизни; это представление принято всеми тремя поэтами:

Вольтер

13 Dans leur course vagabonde
Les mortels sont entraînés,
Frères vaissaux que sur l'onde

23 В первом варианте своего стихотворения 1765 г. Херасков использует образ темноты без непосредственного указания на старость.

Battent les vents mutins,
Et dans l'océan du monde
Au naufrage destinés.

Херасков

12 Сомнений смертный полн:
Куда идет, не знает;
То лодка между волн,
Которой ветр играет;
В просторном океане сем
И ношью ретеся и днем.²⁴

Карамзин

13 По грозной влаге Океана
Мы все плывем на корабле
Во мраке бури и тумана,
Плывем, спешим пристать к земле —
Но ветр ярится с новой силой,
И море... служит нам могиллой.

Вольтер рисует четкое изображение, не выходя из области поэтического образа «лодки в море»; дальше он ясно выражает его смысл: «Tous sont également les vains jouets du sort».²⁵

Херасков интерпретирует образ лодки, исходя из философско-этической точки зрения, и открывает строфу, указанием на «совершенная», которые овладевают человеком; поэт передает это беспрерывное состояние колебания через уточнение его временного измерения: ношью/днем. В отличие от Вольтера, который подчеркивает неизбежность смерти («Au naufrage destinés»), Херасков уже в первом стихе ограничивается применением общего названия человека — «смертный». Таким образом, Херасков изображает скорее стремление человека постигнуть тайну вселенной.

У Карамзина строфа начинается описанием «грозного Океана» и созданием яркого предромантического образа «мрака бури и тумана». Вслед за Вольтером Карамзин изображает море в образе могилы, подчеркивая единый конец всех людей.

Размышления о смерти особенно часто встречаются в библейском тексте. Привлекает внимание трактовка одного из изречений Эжклезиаста поэтами-переводчиками. Если смерть уравнивает всех, положение в обществе не важно; главное — это жизнь, несмотря на

24 В некоторых местах своих «Почерпнутых мыслей из Эжклезиаста» Херасков прямо отсылается на «Вечернее размышление о Божием Величестве» Домоносова: «Сомнений полон ваш ответ / О том, что окрест ближних мест».

25 Это место у Хераскова переведено «Равно и честной и злодей / Судеб прирагитцем бывают», а у Карамзина: «Ах! самый лучший из людей / Вывал игранищем страстей».

То что она полна трудностей и печалей, эти размышления Экклезиаста заканчиваются сентенцией: «так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (9, 4) (Вульгата: «chien est saisi vivens leone mort»). Приведем перевод Вольтера и три варианта Хераскова, который, очевидно, придавал особое значение этому месту.

Вольтер

19 Un lion mort ne vaut pas
Un moufeton qui respire

Херасков

17 Но лев, лишенный духа,
Слабее нежель муха;
(1765)

Но самый червь одушевленный
Сильней, чем духа тигр лишенный.
(1779, 1786)

Но кто Престолом обладает,
Кто служит, всех земля сравняет.
(1800)

Как видим, уже Вольтер заменяет второй член сравнения, библейского пса, несколько «мощлетом», подчеркивая разницу в мере, а не в значимости. Варианты Хераскова показывают, какие он вносил изменения при построении этого поэтического образа: в 1765 г. он в этом месте следует Вольтеру, но вместо слова «мертвый» употребляет конструкцию «лишенный духа», сохраняя, таким образом, и библейский оттенок. Во втором варианте метафорика меняется; Херасков вводит пару «червь—тигр», и мерой сравнения становится сила. Конечный вариант принимает совершенно другой вид: поэт убирает образы животных и выбирает оппозицию «царь—подданный», раскрывая значение метафоры. Карамзин утускает это изречение, но воспроизводит общие расуждения девятой главы Экклезиаста.

Тематика бессмертия души затронута и в третьей главе, где говорится о круговороте времен, о том, что у всех будет один и тот же конец, как у человека, так и у животного. Что будет после смерти, остается открытым вопросом, на который человек не может ответить (3: 20—22).

Вольтер

22 Quel homme a jamais su par sa progne l'impie
Si, lorsque nous tombons dans l'éternelle nuit,
Notre âme avec nos sens se dissout tout entière,
Si nous vivons encote, ou si tout est détruit?

23 Des plus vils animaux Dieu soutient l'existence;
Ils sont, ainsi que nous, les objets de ses soins;

Il botra leur instinct et notre intelligence;
Ils ont les mêmes sens et les mêmes besoins.

24 Ils naissent comme nous, ils expirent de même:
Que deviendra leur âme au jour de leur trépas?
Que deviendra la nôtre à ce moment suprême?
Humains, faibles humains, vous ne le savez pas!

Херасков

20 Небытие предпочитая,
Когда со бытием равняю
Сей жизни горесть и труды,
Печали, скорби и беды;
Обманчивый надежды свет,
Котору мрачный гроб возмет.

21 Из праха сотворен,
Во прах преобратиш[ь]ся,
Перед скотом гордиш[ь]ся,
Но чем ты предпочтен?
Родиш[ь]ся ты равно, как скот, и умираешь;
Безпечно он живет, ты смертью ускоряешь.

22 Известно ли уму
Вселенныя начало?
Не сведом никому
Его преден ни мало;
Не знаем, здесь дыша,
Куда пойдет душа.²⁶

Карамзин

22 Что нас за гробом ждет, не знает и мудрец.
Могилы, тление всему ли есть конец?
Угаснет ли душа с разрушенным покровом,
На небо ль воспарив, жить будет в теле новом?

23 Сей тайны из людей никто не разрешил.
И червь произвел Творец непостижимый;
Животные и мы его рукой хранимы;
Им так же, как и нам, Он чувство сообщил.

24 Подобно нам, они родятся, умирают.
Где будет их душа? где будет и твоя,
О бренный человек? В них чувства исчезают,
Исчезнут и во мне, увя! что ж буду я?

²⁶ Ср. «Вечернее размышление» Ломоносова: «Скажите ж, коль пространен свет? / И что малейших даге звезд? / Несведом тварей вам конец?»

В переложении этого места Вольтер добавляет примечание: человек не может постигнуть тайну смерти разумом, а только верой. Херасков в очередной раз отступает от Вольтера, чтобы обратиться прямо к Библии, к стиху 3, 20 из Экклезиаста: «Из праха сотворен, / Во прах преобратится». В 22-й строфе тема бессмертия души завершается философско-космогоническим рассуждением о смысле вселенной и о невозможности его постигнуть, заключаясь сентенцией: «Не знаем здесь дыша, / Куда пойдет душа» Карамзин тоже, как и Вольтер, добавляет в этом месте примечание, явно по цензурным причинам, убирая его в издании начала XIX в.; в отличие от Вольтера Карамзин хочет смягчить ветхозаветный скептицизм по отношению к бессмертию души, утверждая, что тайна смерти разрешена «откровением». Кроме того, в поэтических рассуждениях Карамзина наблюдается еще один мотив, отсутствующий у других авторов: «Утаснет ли душа с разрушенным покровом, / На небо ль воспарив, жить будет в теле новом?» Сентименталистский подход Карамзина к проблематике бессмертия души подчеркивает аспект ее проявления как индивидуальной личности, воплотившейся формой привиденных выше стихов поэт, по-видимому, отмежевывается от учения о переселении душ, распространенного в масонской среде.²⁷

В итоге различные мировоззренческие установки приводят авторов к разным выводам в заключительных строках их стихотворений. Положительное в окончании Библейской книги заключается в том, что следствием всех предыдущих размышлений является необоюдимость использовать как можно лучше божественный дар жизни. В Вулфгаге же добавлены позже в конце книги Экклезиаста слова: «Desh time et mandata eius obsetwa» — «Бойся Бога и соблюдай Его предписания» (12, 13).

Последние строфы переложений Вольтера, Хераскова и Карамзина таковы:

Вольтер

42. L'homme est un vil atome, un point dans l'étendue,
Cependant du plus haut des palais éternels
Dieu sur notre néant daigne abaisser sa vue:
C'est lui seul qu'il faut craindre, et non pas les mortels.

Херасков

39. Пылинка человек и точка в мире сем,
Но от пренебрегаго небеснаго чертога
Взирает на него, печется Бог о нем,
Не бойся никого, о смертный! бойся Бога.

²⁷ Я благодарю А. Сиклари (Парма) за разъяснение этого места.

Карамзин

41. Награда для него есть совесть, дух покойный.
(Безумие и злость всегда враги уму;
Внимания его их стрелы недостойны;
Он ими не живит: премудрость шит ему.)

42. Снято перед ним бессмертия светилы;
Божественный огонь блещит в его очах.
Ему не страшен вид отверстья могилы:
Он телом на земле, но сердцем в небесах.

Удоболюбие человека точке во вселенной, типичный поэтический образ в духовной поэзии XVIII в., ярко выражает религиозизм Вольтера, образцово представленный в рассказе «Микрометас» (переведенном на русский язык Сумароковым в 1759 г.). Прилагательное «vil» (поидый) и существительное «néant» (ничто), относящиеся к человеческому существу, отмечают низость его положения во всех смыслах по сравнению с Богом; образ «palais éternels» (вечных чертогов) взят из пятой главы Экклезиаста (5, 1).

Херасков объединяет в последней строфе своего стихотворения некоторые вольтеровские образы с библейскими; притом он убирает указания на ничтожность человека и вводит библейский мотив «ipso Dei».

Заключение у Карамзина занимает две строфы и заметно отличается от концовок других авторов. Карамзин описывает качества «великого мужа», представляющего собой образец праведника; эти качества чисто внутренние, управляемые премудростью: он не боится смерти, ибо она является, согласно масонскому учению, лишь преобразованием. Через смерть человек становится бессмертным, совершая свое обожествление. У Карамзина, таким образом, нет противопоставления высокого и низкого, присутствующего у Хераскову; человеческое бытие заключается в себе как материальный мир, так и духовный: «Он телом на земле, но сердцем в небесах». Это выразительный образ понимания нового человека в духовном мышлении XVIII в. «Соломонова Мудрость» Карамзина позволяла бы большим успехом среди современников и стала объектом подражаний.

Из данного анализа можно сделать некоторые обобщающие выводы, касающиеся как индивидуального подхода каждого автора, так и переводческой практики XVIII в. в целом. Экклезиаст Вольтера — это глашатай его собственного скептицизма; в поэтическом изложении этого «курса нравственности» философ выражает свое песимистическое представление о положении человека в мире. Херасков тоже подчеркивает дидактическое, чисто нравственное, значение Библейской книги; при этом русский поэт отдает предпочтение абстрактным образам, исключая более конкретные. Карамзин

в значительной степени отличается от первых двух, восстанавливая первичный характер «внутреннего монолога» Экклезиаста и переводя его в плоскость сентиментализма; поэт стремится подчеркнуть оптимистическую сторону библейского поучения, прославляя «любовь» во всех ее значениях. Игак, переводческая деятельность этих авторов представляет собой пример усвоения библейского содержания и его интерпретацию в соответствии с собственными фило-софскими, стилистическими и поэтическими концепциями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В основу настоящей публикации легло последнее прижизненное издание «Почерпнутых мыслей из Экклезиаста», опубликованное в седьмой части «Лворений» Хераскова 1800 г. (С. 3–13). Текстуальные варианты предыдущих изданий помечены следующими буквами:

- А — Почерпнутыя мысли из Экклезиаста. Печатано при Имп. Моск. Университете 1765 года.
Б — Почерпнутыя мысли из Экклезиаста, с присовокуплением первых трех глав из премудростей Соломоновых. Издание второе вновь пересмотренное и во многих местах исправленное. М.: Университетская Типография, 1779.

В — Почерпнутыя мысли из Экклезиаста, с присовокуплением первых трех глав из премудростей Соломоновых. Издание третье. М.: Университетская Типография у Н. Новикова, 1786.

Текст печатается с некоторыми орфографическими упрощениями (не воспроизводятся твердый знак в конце слова, ять заменяется буквой е, і — буквой и); в подстрочных примечаниях указываются предыдущие варианты; учитываются изменения стилистического и семантического порядка; не учитываются варианты правописания и знаков препинания; нумерация строф добавлена нами.

М. М. ХЕРАСКОВ

ПОЧЕРПНУТЫЯ МЫСЛИ ИЗ ЭККЛЕЗИАСТА

[Какая премудрость сияет в Экклезиасте,²⁸ сколь разительны разсуждения о суете мира, сколь полезно учение тамо²⁹ чело-веческому сердцу и советы³⁰ колико драгоценны: многиа претекши роды с душевным восхищением о том свидетельствовавали, и слава Богодухновеннаго Пророка с душами солнечными не угаснет.

²⁸ А.: в книге Экклезиаста

²⁹ А.: учение его

³⁰ А.: советы его

Но достигнуть великолепия и сладости писания святого Мужа, который восхитался превыше разсуждения простого человека, предприятие невозможное и силам невдохновеннаго свыше разума запрещенное. Шастив, ежели тень едину глубокия премудрости его изобразить могу; благополучен, ежели споспешествовать пользе общества подобной случай и возможности находить всегда буду, почитаю, что сие чистое нравоучение роду человеческому всякаго сокровища полезнее.

К труду сему побудило меня сокращение Экклезиаста на французском языке одним великим стихотворцем³¹ недавно изданное. Но как ни того точно перевести, ни всего Экклезиаста во стихи положить для многих причин не возможно: то, не покидая следов мудраго Пророка, замствовал я нечто от подражателя его, многое переменил и что с нашим Писанием нашел несходное, оставил.³²

- 1 В кипящей младости моей
Имел в проходах я забаву,³³
Алкая сердцем и душею
Вкушать житейскую отраву,³⁴
Горька мне сладость ныне та,
Я рек: все в свете³⁵ суета!

- 2 Богатство, слава и чины
Во младости³⁶ меня польстили;
Но желчию напоенн,
Они мне старость возвестили.
Чины, богатство, красота,
Все тень одна и суета.

- 3 Учения проникнуть тму,³⁷
На всю подсолнечну взирю:
Тма зрима взору моему,³⁸
Теряю свет, и мысль теряю! —
Приятна сердцу простота,
Науки только суета.

³¹ А, Б: стихотворцом

³² Предисловие, отсутствующее в последнем варианте, воспроизводится по изданию В.

³³ А, Б, В: Имел я в роскошах забаву,

³⁴ А, Б, В: Вкушати сладкую отраву,

³⁵ Б, В: в мире

³⁶ А, Б, В: Во цвете лет

³⁷ А: Учения проникнуть мрак

Б, В: Невежества проникнуть мрак,

³⁸ А: Природа сокрывает зрак,

Б, В: Природа закрывает зрак,

4 Сиянием ложным обольщен³⁹
Когда наш ум страстей в неволе,⁴⁰
Что больше⁴¹ разум просвещен,
То мучится⁴² и страждет боле,⁴³
Мечтой рождается мечта,⁴³
И все на свете суета.

5 Искал бегущаго души моей покою
В чертогах кедровых, в садах, у чистых вод,
Среди певни моих, в соборании⁴⁴ красот,
Покою в сердце нет, все ставлю суетою.⁴⁵

6 Напиться сладкие и пишу⁴⁶ я вкушал,
Блиста⁴⁷ пастием и славой наружно,
Довольно ль сердце ты? я сердце вопрошал.⁴⁸
Нет! счастье точное: иметь лишь то,⁴⁹ что нужно.

7 Желаньем возгорел⁵⁰
Людей постигнуть свойство,⁵¹
Печали в них обрел,⁵²
Тоску и непокойство,
И вредну осклонность их
К вреду себя самих.⁵³

8 Трудящийся⁵⁴ не награжден,
И наг, и сир, и пиши просит;
Велик⁵⁵ и тилгами почтен,
Кто свету пользы не приносит.

39 B, B: Коль ум страстями развращен,

40 A: Корда твой ум страстей в неволе;

B, B: Тогда бывает он в неволе.

41 B, B: Чем больше

42 B, B: Тем мучится

43 A, B, B: Мечтою гонится мечта,

44 B, B: в соборише

45 A, B, B: все стало суетою.

46 A: От сладка питие и пиши

B, B: И сладко питие и пиши

47 A, B, B: Укращен

48 A, B, B: в себе я вопрошал?

49 A, B, B: имети то,

50 B, B: Желаннем горел

51 A, B, B: Постигнуть смертных свойство;

52 B, B: узрел,

53 A: Ко гиебели сердец своих.

B, B: Ко гиебели других.

54 A: Трудящейся

55 A: Любим

Хранящий⁵⁶ истину гоним;
Злодей — и шастлив и любим.⁵⁷

9 Кипящей зависти змеи повекою выотся,⁵⁸
Развратныя⁵⁹ сердца сей фурией соуются,
И добродетелей печальный слышен глас,⁶⁰
Имеют все в устах, гоня из сердца нас.⁶¹

10 Заслуги презрены, таланты без награды;
Друзей не потеряв, лъзя ль истину любить?
Богач, исполненной тщеславныя отрады,
Не верит, может ли голодный нищий быть.⁶²

11 Но сам нешастен он! Всегдашнее сомнение,⁶³
Как мутная вода, в душе его течет,⁶⁴
Наследники ему наносит подозренье:
Живущаго в тоске, его печаль грызет.⁶⁵

12 Сомнений⁶⁶ смертный полн:
Куда идет, не знает;
То подка между волн,
Которой ветр играет,⁶⁷
В пространном океане⁶⁸ сем
И ночью реется и днем.⁶⁹

56 A: Храняшей

57 A: Спокойство жертвуется злым.

B, B: Снепое счастье служит злым.

58 A, B, B: везде выотся,

59 A, B, B: Безвинныя

60 A: И добродетелей плачевный слышу глас:

B, B: И добродетельных плачевный слышу глас:

61 A: Никто не утешал гонимых в свете нас.

B, B: Увы! Не утешал никто гонимых нас!

62 A, B, B: И честность и труды рыдают без награды;

Стремится клевета их голоса заглубить;

Богач, исполненной безумства и отрады,

Не знает, может ли нешастный в свете быть.

63 A: всегдашнее волнение,

B, B: души его волнение,

64 A: Его желания во все страны влечет.

B, B: Несытый ум его тревожит и влечет.

65 A, B, B: в печали смерть ссечет.

66 A, B: Сумненний

67 A: Котору ветр терзает,

B, B: Котору ветр бросает,

68 A, B, B: Океане

69 A: Рожден погубнуги со всем.

B, B: погубнет он со всем!

13⁷⁰ Что мы ни будем⁷¹, воображать,
То было, есть, и будет вечно;
Друг друга станем⁷² обижать,
И жить всегда безчеловечно;
В подолненной премены нет,
И был, и будет тот же свет.⁷³

14 Различны⁷⁴ званья людей
Крушатся, страждут, погибают,⁷⁵
Равно и честный⁷⁶ и злодей
Игрою шастия бываю⁷⁷.
Когда повеет бурный⁷⁸ ветр,
Падет и легкий⁷⁹ лист и кедр.

15 На той же мураве, где агница пасется,
Пасется хищный⁸⁰ тигр, хотящий⁸¹ смерти ей;
В единую землю утробу отнесется
И добрый⁸² человек, разбойник и злодей.

16 Ты славу думаешь приобрести себе:
Умрешь — погаснет все, чем разум ни светлеет,
Никто уж о тебе на свете не жалует,⁸³
Заглядит люта смерть и память о тебе.

⁷⁰ В первых трех вариантах после 12-й строфы следовала еще одна строфа, отсутствующая в издании 1800 г.:

Надежда на земли,
Бросая ложный свет, владет над сердцами;
Однако не могли
Уверить нас беды, случившись с отпками, [А: живущи со отпками;
А сей сладчайший [А, Б: сладчайшей] яд,
Надежда, по сердцам прольется наших чад.

71 А, Б, В: станем

72 Б, В: станут

73 А, Б, В: равен свет

74 А, Б, В: Несчетны

75 А, Б, В: В единой бездне погибают;

76 А, Б, В: честной

77 А, Б, В: Судеб и прагматцем бываюг.

78 А, Б: подует сильной

79 А: и легкой

Б, В: равно и

80 А, Б: хищной

81 А, Б: хотящей

82 А, Б: доброй

83 А: Никто уже тебя ни спавит, ни жалует,

Б, В: Никто уж о тебе во свете не жалует,

17 Исполнен⁸⁴ век напастей,
Но жити мы хотим;
Стужаньем сильной власти⁸⁵
Себя до смерти льстим:
Но кто Престолом обладает,⁸⁶
Кто служит, всех земля сравняет.

18 Нешастный⁸⁷ человек!
Хотя веселие вкушаешь,
Когда во свете пребываешь,
Хотя ты кончишь⁸⁸ век,
Все равная тебе беда!
И лутче бы рожден ты не был никогда.

19 Небытие предпочитаю,
Когда со бытием равняю⁸⁹
Сей жизни горесть и труды,
Печали, скорби и беды;
Обманчивый надежды⁹⁰ свет,
Котору мрачный гроб возмет.

20 Из праха сотворен,
Во прах преобратишь[ь]ся,
Перед скотом гордишь[ь]ся,
Но чем ты предпочтен?⁹¹
Родишь[ь]ся ты равно, как скот, и умираешь;
Безпечно он живет, ты смертью ускоряешь.⁹²

21 Известно ли уму
Вселенныя начало?
Не сведом никому
Его предел ни мало,⁹³

84 А, Б, В: Наполнен

85 А, Б, В: И расширеньем власти

86 А: Но лев лишний духа,

Слабее нежел муха.

Б, В: Но самый червь олушевевенный

Сильный, чем духа тигр лишний.

87 А: Нешастной

88 А, Б, В: окончишь

89 А: сплетано

90 А, Б: Надежды преходящей

В: Надежды преходящий

91 А, Б, В: Но буди ты смирен;

92 А, Б, В: И в землю ты себя подобно претворяешь.

93 А: Предел его нимаго.

Б: Предел се нимаго.
В: Предел ея ни мало.

Не знаем здесь⁹⁴ дышла,
Куда пойдут душа.

22 Но бранный человек
Кончиной ускоряет,⁹⁵
Непостоянству рек,
Морям себя⁹⁶ вверяет;
Не усыпает он для злата от труда,
И сыг не будет никогда.

23 Се муж, который, будто кедр,
Главою небесам касался,
Гремиших туч не опасался,
Исторгнут вдруг⁹⁷ из земных недр,
Всеенной навоявший⁹⁸ страх,
Лежит преобращен во прах.⁹⁹

24 Гордися тленной красотой,¹⁰⁰
Красавица сердца прельщает.
Как ранней окропясь росой,¹⁰¹
Листочки роза¹⁰² распушает;
Но старости наступит¹⁰³ ночь,
Любовники уходят прочь.

25 Так все на свете сем минет,¹⁰⁴ пройдет, исчезнет,
Приятна пеня не буди слышать я;
Кипища кровь во мне простынет и замерзнет,
Померкнут очи,¹⁰⁵ мысль пригупится моя.
26 Сосуды в ключевых потоках сокрушатся,
И вкус мой услажден¹⁰⁶ не будет уж ни чем;

⁹⁴ Б, В: мы

⁹⁵ А, Е, В: Однако человек

Спокойствие теряет;

⁹⁶ А, В, В: живот

⁹⁷ А, Е, В: в миг

⁹⁸ А, Е: навоявшей

⁹⁹ А, Е, В: преобращенный в прах.

¹⁰⁰ А, Б, В, В: Сияя в младости красотой,

¹⁰¹ А, Б, В: Как утренней скропилен росой

¹⁰² А, Е, В: Цветок листочки

¹⁰³ А: Но мрачна наступяет

¹⁰⁴ А, Е, В: падет,

¹⁰⁵ А, Б, В, В: Померкнет взор и

¹⁰⁶ А, Б, В: обольщен

Трепещущ, слаб, согбен,¹⁰⁷ я стану приближаться
Ко прагу венности,¹⁰⁸ куда мы все гечем.

27 Не буду видеть я прелестницы любезной,¹⁰⁹
Кем в горести моей прельщался некогда;
О сладость чувств моих, любезный¹¹⁰ век и слезной!
Как облак ты бежишь,¹¹¹ бежишь ты навсегда.

28 Так быстро, как стрела,¹¹²
Промчится век наш краткой;
Бегу, бегу от зла!
Питайся жизнью сладкой,¹¹³
Не травь в унынии¹¹⁴ часа,
Который¹¹⁵ нам даруют Небеса.

29¹¹⁶ Да радость дней твоих теченье умножает,
Да скорби человек в забавах погружает;
Утехам сердце твори,
Но добрыя дела твори.

30 Сия, о смертный! Часть
Тебе¹¹⁷ определена:

¹⁰⁷ А: Трепещущи и согбен.

Б, В: Трепещущ и нагбен,

¹⁰⁸ А, Б, В: К пределу общему,

¹⁰⁹ А, Б, В: Не буду больше зреть сея красы любезной,

¹¹⁰ А, Б, В: прелестной

¹¹¹ А, Б, В: Бежишь ты от меня,

¹¹² А, Б, В: Как быстрей стрела

¹¹³ А: Вели свои дела

Уставом жизни сладкой.

Б, В: Разполагай дела,

Клоня их к жизни сладкой;

¹¹⁴ А: Не трави в горести

Б, В: Не трави в горести

¹¹⁵ А, Б, В: Которы

¹¹⁶ В вариантх А, Б, В эта строфа образует шестистишие:

Веселне во век
Тебя да окружает,
Да скорби человек
В забавах погружает;
Утехам сердце твори,
Но добрыя [А, И добрыя] дела твори.

¹¹⁷ А, Б, В: Судьбой тебе

Вкушай ты жизни сласть,¹¹⁸
Не к бедствам¹¹⁹ создана вселенна;
Со ближними на ней живи
В покое, в дружестве,¹²⁰ в любви.

31 В веселье проводи¹²¹ свою цветущу младость,
Но к сердцу заради страстям житейским¹²² путь;
Имений не стажай: какая в оных радость?
Что взору только льстит,¹²³ то может обмануть.

32 Вкушай приятности сего текуща века,
Но Бога не забудь! Храни Его закон,
И то в уме тверди: что создал человека,
Дабы на суд к Нему предстал по смерти он.

33 Не будьте завсегда¹²⁴ к земным вещам пристрастны;
Во свете что ни есть, во свете все Его;
Богаты, нищие, шастливы, и¹²⁵ несчастны!
Вы гости здесь — Творца любите своего.

34 Цветущу как весну,
Твоим прелестну взглядам,
Люби свою¹²⁶ жену.
Внушай премудрость чадам,
О ближних не забудь;
Убогим другом будь.¹²⁷

35 Не будь жесток и строг,
Не возжигай в сердцах раздор,
Дабы найти в тебе подпору
Нешастливый и слабый мог.
Будь плачущим полезен —
Прощай порок, и будь любезен.¹²⁸

¹¹⁸ А, Б, В: От сердца отвращай напасть;

¹¹⁹ А, Б, В: Не к бедству

¹²⁰ А, Б, В: в радости,

¹²¹ А, Б, В: В забавях провожай

¹²² А, Б, В: пресеки страстям безумным

¹²³ А, Б, В: Что много веселит,

¹²⁴ А, Б, В: для себя

¹²⁵ А, Б: нищие, шастливы,

¹²⁶ Б, В: твою

¹²⁷ А, Б, В: Отец убогим будь.

¹²⁸ А: Не буди к слабостям жесток,
Представшей милосерду взору.

36 Прекрасны¹²⁹ страны
Игрою бурь¹³⁰ бывают;
Глад, стужа, и войны
Народы убивают,¹³¹
И самый твердый человек
Не прожил беспорочно век.¹³²

37 Когда достаточен, щедроты изливай;
Убогим пищу ты и старцам подавай;
В заплатах не ищи от них благодаренья:
Нет слаще ничего для сердца благ творенья!¹³³

38 Безсовестных¹³⁴ людей беселья убегай,¹³⁵
На шастие людей завистно¹³⁶ не взирай;
Не оскорбляйся ты злодеев клеветою.¹³⁷
Бог зрит дела твои, и Сам везде с тобою.¹³⁸

39 Пылника человек, и точка в мире сем,
Но от пресветлаго, небесаго чертога
Взирает на него, печется бог о нем.
Не бойся никого, о смертный! — бойся Бога.

Чтоб всяк имел в тебе подпору,

Тобою проясняться мог;

Хотя премудрость и блудещь,

Но, может быть, как он, падещь.

Б, В: Не буди к слабостям жесток

Представый милосерду взору,

Да век найдет в тебе подпору;

И лютый обегчает рок.

Хотя премудрость и блудещь,

Но, может быть, как он, падещь.

¹²⁹ А, Б, В: Шастливы

¹³⁰ А, Б, В: Нешастливы

¹³¹ А: Надежду затмевают;

Б, В: Надежду сокрывают.

¹³² А, Б, В: И злобно времяа есть,

В которо страждет честь.

¹³³ А, Б, В: Щедрот твоих струи [А: своих потоки] повсюду проливай,

И старцов совестных питать не забывай;

Не мысли, будут ли тебя благодарити,

Но помни, что добро природно нам творити.

¹³⁴ А, Б, В: Нешастных

¹³⁵ А, Б, В: презирай;

¹³⁶ А, Б, В: безумных

¹³⁷ А, Б, В: Оставь клеветников со громкою трубою,

¹³⁸ А, Б, В: и царствует тобою.